

ГЮН
Цена
желаний

ГЮН ГЮН

Цена желаний

<https://litres.ru/73934793>

SelfPub; 2026

Аннотация

Хотите, чтобы ваши желания исполнились? Не спешите соглашаться.

Дмитрий и Клара мечтают о покое — замок дарит им вечную весну. Сергей и Ирина гонятся за хайпом — их лица увидят миллионы. Павел и Маргарита ищут разгадку тайн — и находят их. Вот только цена всегда выше, чем кажется.

Это книга о том, как хрупок человек. О том, как легко поверить в обещание рая. И о том, что иногда спасение — это не побег, а умение вовремя сказать «нет».

Для тех, кто любил «Сияние» Кинга и «Мастера и Маргариту» Булгакова.

Содержание

Глава	4
Вечно живой	6
Знакомство	14
Конец ознакомительного фрагмента.	43

ГЮН

Цена желаний

Глава

ГЮН

Цена желаний

Оглавление

Вечно живой

Знакомство

Жажда

Первый и ... ужин

Побег

Первая загадка?

Рассудок

Трещины

Искушение

Противостояние

Исходный код

Эпилог

«Будьте осторожны со своими желаниями — они имеют свойство сбываться»

М. Булгаков

Вечно живой

Вода. Безмерный, безымянный океан простирался до краёв юного неба. В его кипящей глубине, в раскалённой утробе планеты, две каменных громады продолжали своё вечное движение — теперь навстречу друг другу.

Их первое прикосновение родило гул, разорвавший толщу пород. Платформы, отлитые из гранита и базальта с прожилками руд, не оттолкнулись от удара — они вцепились друг в друга в смертельных объятиях. Сплетались, вдавливались, пока их танец не превратился в титаническую битву. Единственным путём исхода стало движение вверх. Прочь из огненного чрева.

Они вздыбились.

Из пучины поднялась чёрная, дымящаяся гора. Её склоны поблёскивали во мраке, как чешуя исполинского змея. Она росла — чудовищный кристалл, вытолкнутый сердцем планеты. И когда платформы, истощив ярость, рухнули обратно в магму, над волнами осталась новая земля — твердыня с одинокой горой на краю.

Тысячелетиями океан штурмовал её. Ледники скрежетали по склонам. От исполинского пика остался лишь зеленовато-чёрный холм с ровным плато, будто срезанным ударом божественной косы. Ни одно растение не приживалось на его

гладкой коже. Ни зверь, ни гад не искали здесь ни пищи, ни крова, обходя каменное изваяние стороной с робостью, данной им от природы.

Это было место силы. Древнее и безразличное. Место, которое лишь поглощало. Беззвёздная чёрная дыра, всасывающая в себя саму возможность жизни. Место вечного голода.

Впервые холм понял это, когда обезумевшие от голода волки загнали оленя на его вершину. Заливаемое кровью животное рухнуло с обрыва, увлекая за собой мучителей. В тот миг, когда тёплая кровь оросила холодный камень, он впервые ощутил необъяснимый трепет. Это была не просто смерть — жертва, дикая и неосознанная, наполненная яростью, страхом и болью. Холм едва заметно задрожал, впитывая энергию. Скука уступила место новому чувству — желанию.

Появление человека стало пиром. Эти двуногие были иными — их инстинкты притуплены, а души горели ярче и сложнее. Он научился приманивать их соблазном, даря иллюзию свободы над суетным миром. А они платили ему восторгом, силой, волей к жизни. Чем чаще человек появлялся на холме, тем слабее возвращался в долину. Но людям и в голову не приходило винить безмолвный камень.

Потом пришёл он — первый, чью душу холм поглотил полностью. Тщедушный старик с горящими глазами. Он поднимался на холм один, вздымал руки к небу, пока не рухнул на камни, как подкошенный. Люди похоронили его в рас-

щелине. А вскоре заметили: те, кто хоронил своих усопших на холме, возвращались с лихорадочным блеском в глазах, начинали болеть и умирать, шепча о «каменном взгляде». Страх сменил благоговение. Паломничества прекратились.

И на долгое время холм погрузился в тишину. Он снова голодал. Теперь он знал вкус человеческих душ и понимал: просто ждать — бесполезно. Его терпение было столь же бесконечно, как и голод. Он ждал, когда двуногие забудут страх и вспомнят о жажде чуда.

Однажды холм проснулся — чтобы уже никогда не засыпать.

Его разбудил жар. Он обрушился волнами, прогревая камень насквозь. В огне горели люди. Их тела, объятые пламенем, корчились, издавая звук, похожий на шипение жира на сковороде. Вокруг костра стояли рыцари в железных доспехах, с мечами и щитами. Белые накидки с красными крестами. Они не шевелились, лишь глаза полыхали сильнее адского костра.

Один из них сидел на коне. Жеребец дрожал, но рука рыцаря, сжавшая повод, была тверда. Рыцарь смотрел на огонь долго, неотрывно. Видел, как пламя обнажает кости, слышал треск дров. Когда огонь угас, он двинулся вперёд — к обрыву. На самом краю резко дёрнул повод. Конь вздыбился, копыта повисли над пустотой.

Что-то тянуло всадника вниз. Это был вызов — голос холма, шепчущий: «Прыгни. Проверь себя». Рыцарь не прыг-

нул. Он принял вызов. Развернул коня, поскакал обратно к костру, высекая искры. В голове его зрела мысль: это место — теперь его. Как крепость. Как символ. Как рубеж между мирами.

— Это моё место, — произнёс он вслух.

И холм ответил тихим гулом в глубинах базальта.

Строительство длилось шесть лет. Землемеры в камзолах с плюмажем чертили схемы, каменотёсы высекали базальтовые блоки, рабочие тащили их на плато. Звук труда — стук, скрежет, звон металла — наполнил воздух, словно оркестр из тысячи инструментов. Возвели сторожевые ворота с двумя башнями, затем стену. Её клали в два слоя — гладкую снаружи, с нишами внутри.

Но строительство не обходилось без жертв. Сначала случайности: рабочий упал с лесов, другой задохнулся в пыли. Потом начались странности. Мастер-каменотёс исчез, а наутро его нашли у подножия холма — тело было сломано, как сухая ветка, но вокруг не было ни следов падения, ни крови. Двое рабочих вдруг бросились в пропасть, крича о «голосе камня». Строители шептали о проклятии. По ночам они запирались в бараках, читали молитвы. Но это не спасало.

Когда строительство завершилось, рабочих и архитектора пригласили на площадь. Они, гордые, ждали благодарности. Вместо этого ворота распахнулись, внутрь вошёл отряд крестоносцев. Ворота закрылись. Трещины камня быстро, как губка, впитали кровь строителей.

Теперь только рыцарь знал тайны замка, его лабиринты и ловушки. В первую же ночь он уснул на жёстком ложе. Во сне он оказался на плато, где всё начиналось. Вокруг стояли немые фигуры — землемеры, каменотёсы, рабочие. Их глаза были пусты, рты искривлены беззвучным криком. «Ты убил нас, — шептали они. — Теперь он убьёт тебя».

Холм и замок стали единым целым. Камень, раствор, кости рабочих — всё превратилось в новую плоть. Замок получил «руки» — стены, способные удержать любого. Он получил «рот» — ворота, открывавшиеся лишь по его воле.

Рыцарь не искал покоя. Его стихией была война. Именно в замок он свозил добычу — не только серебро и золото, а главное — знания. Летописи на непонятных языках, трактаты по алхимии, чертежи невиданных машин. Архитектура стала его навязчивой идеей. Он создавал потайные ходы, ведущие в тупики с полами, уходящими в пропасть. Коридоры с падающими сводами. Замок обрастал ловушками — не для защиты от внешнего врага, а для уничтожения того, кто посмеет проникнуть внутрь.

Рыцарь умер не от меча. Он начал угасать. Сначала ушёл сон, потом вкус пищи, затем — голоса живых. Его рассудок растворялся. В последнюю ночь он сидел в кресле в библиотеке, глядя в потухший камин. Он слышал, как где-то в потайных ходах раздается скрежет, как будто кто-то тщательно пережевывает пищу.

Не было ни страха, ни боли. Покой слияния.

Его последний человеческий вздох впитался в камень. Воля, знание тактики, мастерство архитектора и палача — всё стало ядром, вокруг которого начало расти сознание замка. Рыцарь не умер. Он стал первым хранителем. Его разум расстворился в лабиринтах, память стала архивом пыток, стратегия — логикой смертельных ловушек.

Замок обрёл рассудок. Холодный, методичный, лишённый человеческих слабостей, но наделённый всей изощрённостью человеческого коварства.

Веками он копил. Не золото — интеллект, мастерство, сама суть человеческих пороков. Каждая поглощённая душа делала его умнее, голоднее, безжалостнее. Он рос. И ждал того дня, когда сможет охотиться на тщательно отобранную, идеальную добычу.

Он менял облик, подстраиваясь под эпоху. Когда ему нужен был воин, башни обрастали острыми зубцами, залы превращались в казармы. Когда требовался инженер, подвалы наполнялись гулом станков и шипением паровых машин. Когда мыслитель, для которого сила слова главное, он создавал хранилище книг, привлекая алхимиков, физиков, математиков. А когда требовались слуги — становился постоянным двором, тёплым и гостеприимным, поглощая проезжих торговцев и искателей приключений.

Но души не вечны. Они истирались. Знания средневекового крестьянина были бесполезны для человека со смартфоном. Страсть алхимика не зажигала ум, воспитанный на

квантовой физике. Чувства выцветали. Оболочки ветшали, превращаясь в бледные пятна света, пока не рассыпались в серебристую пыль.

Таким был цикл. Поглощение — Использование — Источение — Замена.

И вот, в первой четверти XXI века, поток случайных гостей иссяк. Приманки, работавшие веками, стали анахронизмом. Библиотека знаний протухла. Его самые свежие сведения о мире — обрывки мыслей радиоинженера середины прошлого века — были столь же архаичны, как наскальный рисунок.

Он, вечный организм, впервые за много столетий ощутил голод. Не острую потребность — тлетворную, разъедающую пустоту. Метаболизм замедлялся. Ловушки, рассчитанные на страх перед тёмным подземельем, казались смешными тому, кто вырос на хоррорах в виртуальной реальности. Портал в «рай» предлагал пародию на устаревшие пасторальные идеалы, в то время как человеческие желания эволюционировали в сторону цифрового бессмертия и нейроимплантов.

Замок не привык отставать. Он отвык быть голодным.

Он понял: старые сети надо рвать. Нужна новая приманка. Не крик в ночи, а шепот в эфире. Не призрак в окне, а виртуальный челлендж. Не легенда для стариков, а тайна для любопытных.

Замок перезагрузился. Он начал вслушиваться в радиошум, всматриваться в цифровые потоки, учиться языку хе-

штегов и алгоритмов. Охотник сменил камуфляж и расставил новые сети.

Голод был великим учителем.

Знакомство

Самолёт, содрогаясь, подъехал к рукаву терминала. Клара, сидевшая у иллюминатора, вся превратилась во внимание. Она прижалась к прохладному стеклу, стараясь уловить тот самый миг стыковки. Соединения с новым местом, новой жизнью, пусть и на неделю. Не увидев, разочарованно откинулась.

— Дима, смотри, все уже стоят! Вставай же!

— Куда торопиться? — голос Дмитрия был ровным, как гул двигателей на прогреве. — Пока не разрешат, никто никуда не пойдет. Да, и выход один. Сиди, придет наша очередь.

Клара нетерпеливо дёрнула пряжку ремня. Замок со стуком упал, ударившись о стойку кресла. Дмитрий, не торопясь, расстегнул свой, аккуратно сложил обе части на сиденье за спиной и откинулся, наблюдая за суетой в проходе поверх очков для чтения. В полете он не читал — просто смотрел в пустоту поверх страниц книги.

— Смотри, какая погода! — Клара указывала на солнце. — Двадцать пять! Правильно, что налегке полетели.

— Погода... — Дмитрий буркнул, глядя на людскую суету. — Вечно она непредсказуема. Как бы нам тут, на Балтийском, куртки новые не пришлось покупать.

— Брось! Вечно ты надумываешь лишнее! — её голос звенел фальшивой бодростью, как перезвон столового серебра.
— Надо смотреть в будущее с оптимизмом!

Дмитрий промолчал. Его угнетала не погода. Его угнетала её бесконечная, лихорадочная жажда будущего. Ему было хорошо в прошлом. Не в молодости, нет — в той простоте, когда всё было ясно: надо построить дом, поднять детей, ходить на работу в порт. Дети выросли и разлетелись. Работа закончилась досрочной пенсией «за север». А простота растворилась, оставив после себя тишину. Громкую, оглушающую тишину их владивостокской квартиры, которую Клара теперь пыталась заполнить чем угодно — от йоги до этого дурацкого «любовного тура».

Когда проход рядом опустел, Дмитрий решительно встал. Его мощная, чуть оплывшая от сидячей работы фигура мгновенно перегородила проход, как бетонная плита. Он не толкался — он занял пространство, заставив поток людей остановиться. Клара, ловкая и лёгкая, выпорхнула и встала перед ним, словно перед скалой. Дмитрий одной рукой взял с багажной полки две сумки — её яркую дорожную и свою, потрёпанную, практичную, чёрную.

В проходе они двигались, как одно диссонирующее целое: она — вертя головой, улыбаясь стюардессе («Спасибо за чудесный полёт!»), поправляя на шее шёлковый шарф, пестрый, как крыло тропической бабочки. Он — глядя прямо перед собой, непроницаемый, в своём хорошем, но вышед-

шем из моды пиджаке. Сзади он смотрел на её изящную, гибкую спину, на пояс, туго стягивающий платье, и чувствовал странную смесь гордости («Моя жена всё ещё красавица») и щемящей горечи. Её «найди себя после пятидесяти» обернулось для него потерей общих тем.

В зале прилёта, увидев парня с табличкой «Замок на холме», Клара взяла инициативу в свои руки.

— Вы, наверное, нас ждёте? — голос был уверенным, обворожительным.

— Если вы Клара и Дмитрий, то да. С приездом! Или, точнее, с прилётом!

— Благодарю. Это мы! — ответила она, сияя. Она уже играла роль — роль женщины, которая ярко и смело начинает отпуск.

Ее розовый в ярком чехле чемоданчик появился на транспортере одним из первых. Пока они ждали Димин чемодан, Клара нервно переминалась с ноги на ногу.

— Где же твой чемодан? Не мог же он улететь другим рейсом!

— Почему нет? — глухо отозвался Дмитрий, не отрывая глаз от транспортера. — С нашим бардаком всякое возможно.

— Опять ты за своё! — она фыркнула. — Наш самолёт стоял отдельно!

— Сдавали багаж мы все вместе, — его голос был усталометодичным. — Мало ли... перегородка не сработала. И

улетел мой чемодан, например, в Таиланд. Я не улетел, а он — улетел.

Клара повернулась к нему с деланно злым лицом и сжатыми кулачками. Он не стал продолжать. Появился его чемодан, большой и надёжный, как он сам. Клара уже стояла рядом с водителем, улыбаясь ему той же ослепительной, ничего не значащей улыбкой. Дмитрий, тяжело ступая, подошёл и, не глядя на водителя, решительно взял Клару за локоть. Так они и вышли: она — оглядываясь, он — ведя её, как непослушного ребенка.

На улице её обдало солнцем и запахом — сосны и прохладной морской соли.

— Ой, как пахнет! Прямо как у нас! — воскликнула она, подставляя лицо свету.

— Я не заметил, — сказал Дмитрий, прищуриваясь.

— Ну и плохо! С таким настроением ты нормально не отдохнёшь.

Он молча наблюдал, как водитель грузит её розовый чемодан в багажник минивэна.

— Зря ты ему доверила багаж, — тихо сказал он ей, поднимая свой над брусчаткой.

— Ничего с ним не будет! Он крепкий, новый!

— Вот-вот. Был новенький, станет старенький, — пробурчал Дмитрий, уже не ей, а в пространство.

В салоне он выбрал отдельное кресло у двери, где можно было вытянуть ноги.

— Почему не вместе? — удивилась Клара, садясь в одиночное сидение через проход.

— Там не уместятся колени. Пусть другие мучаются.

Когда минивэн тронулся, и тёплый ветер потянул в салон, играя её шарфом, Клара принялась расспрашивать водителя о жизни в Калининграде. Её голос звенел, заполняя пространство. Дмитрий смотрел вперед, в лобовое стекло, на убегающую вдаль гладь асфальта. Он молчал. Ему было нечего сказать. Он ехал не вперёд, в «захватывающее приключение». Он ехал от. От тишины. От пустоты. От себя самого. И замок на холме был для него не целью, а просто самой дальней точкой этого бегства.

*

Гостиничный номер в центре Калининграда пах освежителем для воздуха, дешёвым кофе из саше и их общим нетерпением. Ирина сидела на краю кровати, покрывало съехало, обнажив стёганный синтетический голубой материал одеяла. Она взглянула на телефон.

— Через десять минут машина, — сказала она, и в её голосе прозвучал не столько сигнал к сбору, сколько первый аккорд их общего спектакля.

Сергей стоял у окна, загораживая собой пол окна. Невысокий, но широченный в плечах, с цепкими, привычными к тяжёлому инструменту руками, он напоминал здоровенный

дубовый пень — крепкий, упрямый, выросший в своё мнение. Пальцы его быстро, почти грубо, стучали по экрану.

— Да-да, сейчас, — бросил он, не отрываясь. — Надо дописать анонс. «Ребята, сегодня день X. Едем туда, откуда ещё никто не возвращался... с пустыми руками. Ждите трансляцию в 18:00». Каждый момент — контент. Здесь, Ир, мы должны выстрелить. По-настоящему. Здесь будут не те материалчики, которыми мы дурачили читателей на родине. Убойный хайп, наконец-то. Потом — больше подписчиков, больше денег, и можно наконец забыть, как пахнет горячий металл и абразив диска.

Ирина встала, поправила топ, оставлявший её худые, почти детские плечи открытыми.

— Мы никого не дурачим, — сказала она тихо, но твёрдо, беря в руки свой телефон и небольшую, но вместительную сумку. — Всё, что мы снимали, где-то да существовало. Легенды, аномалии... Просто ты в них не веришь. И из-за этого они для тебя — фейк. А они — просто... непонятные. И этот замок — самый непонятный. Я чувствую.

— Какое чувство? — Сергей фыркнул, наконец отрываясь от телефона. Его лицо, обветренное и уставшее, выражало лишь холодный расчёт. — В Новосибирске у нас максимум триста лет истории, и та вся пронумерована. А здесь каждый камень кричит. Легенды, привидения, порталы... Это не аномалии, Ир. Это контент-локации. И если мы здесь не найдём ничего настоящего, — он хитро прищурился, — то я сам всё

устрою. Антураж-то какой!

— У тебя просто нет веры, — прошептала Ирина, и в её больших глазах мелькнуло что-то вроде жалости. — И твои глаза закрыты. Я верю, что этот замок даст нам... не хайп. Ответ. Настоящий.

Она решительно направилась к двери. Сергей, не теряя темпа, схватил чемодан и включил прямую трансляцию, поднося телефон к лицу.

— Поехали, народ! Видите это лицо? — он повернул камеру на проходящую мимо него Ирину. — Это лицо человека, который верит в чудеса. А вот это... — он показал на себя, — лицо человека, который эти чудеса вам, дорогие друзья, покажет. Так или иначе. Лайки в студию, поехали!

Водитель ждал их у ресепшена с той же зловеще-гостеприимной табличкой.

— Ещё ящик из камеры хранения, — бросил Сергей, не здороваясь, сунув ему чемодан. — Метр на восемьдесят. С оборудованием.

Минивэн стоял прямо у входа. В открытой боковой двери виднелись два силуэта: мужской, массивный и закрытый, и женский, пытавшийся выглянуть поверх его плеча. Ирина, выйдя на улицу, замерла на секунду, ослеплённая солнцем и своей собственной робостью. За ней появился Сергей, неся в руке объёмный чёрный пластиковый кейс с надписями «Хрупко» и множеством ручек. Он вёл трансляцию.

— ...Вот наша колесница, народ! Видите? Всё по-взрос-

лому. А вот и наши попутчики! Привет вам! Сейчас погрузимся и откроем сезон охоты на привидения!

Водитель, оценив ящик, переложил яркий чемодан Клары, чтобы уместить технику. Сергей, не прекращая комментировать, втиснул свой чемодан в салон.

— Садись назад, — кивнул он Ирине. Та, смущённо улыбувшись сидящей паре, пробралась на задний диван. Сергей втащил чемодан, который с грохотом лег вдоль салона, намертво разделив его на две части.

Поездка по брусчатке была мягкой, но тишина в салоне — колючей.

— Здравствуйте, — тихо сказала Ирина Дмитрию и Кларе.

— Простите за баррикаду, — громко усмехнулся Сергей, располагаясь рядом с женой и наводя на них камеру. — Но контент — наше всё. Мы, кстати, Сергей и Ирина. Блог «Сибирь. Тайны на ладони». Едем делать историю. А вы?

Клара, слегка оправившись от внезапного появления камеры, включила своё «гостеприимное» лицо: «А мы... Дмитрий и Клара. С Дальнего Востока. Просто... на необычный тур. Отдохнуть».

- Здравствуйте, - кивнул Дмитрий, глядя куда-то мимо камеры, в окно.

- Отдохнуть? В замке с дурной славой? Круто! Значит, ищите острых ощущений? – почти прокричал Сергей, не опуская телефон.

- Серёж..., - тихо шепнула Ирина, одёргивая его.

- Ну, знаете, сменить обстановку... Посмотреть что-то грандиозное, с историей. А вы... думаете, что там есть привидения? – произнесла Клара с натянутой лёгкостью.

— Так вы... просто отдохнуть? — переспросил Сергей, явно не понимая. — В месте, о котором интернет пишет, как о самом жутком в области?

Клара, поймав его недоумение, засмеялась слишком громко, будто отбивалась от обвинения.

— Мы ничего об этом не слышали. Ну, знаете, иногда хочется не просто на пляж! Сменить обстановку, посмотреть что-то... грандиозное. С историей. А вы... — она кивнула на чёрный кейс, — правда ожидаете встретить там настоящих привидений? - повторилась Клара.

Сергей усмехнулся уголком рта — усмешка скептика, который знает цену всем сказкам.

— Мы ждём контент, — поправил он откровенно. — Наша аудитория хочет верить в чудеса. Наша задача — дать им повод. Ирина вот, правда, верит. — Он показал локтем в сторону жены, которая молча смотрела в окно на мелькающие старинные фасады. — Ну что, Ир, уже настроилась на потусторонние частоты?

Ирина не ответила на его тон. Она обернулась к Кларе, и в её больших глазах не было ни цинизма, ни желания понравиться. Только тихая, неподдельная серьёзность.

— А вы? — спросила она почти шёпотом. — Когда на за-

мок смотрели на фото... он же не просто старый. Он будто... смотрит в ответ.

Дмитрий, до этого молчавший и смотревший в своё окно, глухо проворчал, не поворачивая головы:

— Камни не смотрят. Они просто лежат. Иногда — веками. Ничего больше.

Его голос был плоским, как поверхность воды в полный штиль.

— Дим, ну что ты, — с фальшивой лёгкостью вступила Клара, хватая его за рукав. — Не будь занудой! Конечно, там атмосфера! Таинственность! Мы как раз за этим и приехали — рутину развеять. Свежих впечатлений набраться.

Она говорила это скорее для себя и для этих странных блогеров, чем для мужа. Сергей кивнул, снова оценивающе оглядывая их обоих. Он, казалось, уже мысленно ставил на них штамп: «не наш клиент». Безропотный скептик и дама, ищущая острых ощущений в недорогом туре. Слабая поддержка для его будущего хайпа.

*

Водитель свернул с главной улицы, и машину слегка качнуло. Чемодан Сергея грохнул о металлическое основание сиденья. Тишина, густая и неловкая, снова заполнила салон, теперь уже разделённый не только баррикадой из багажа, но и полным взаимным непониманием. Они ехали в одну точку

на карте, но в совершенно разные миры.

Тихий пригород Калининграда встретил их влажной прохладой и запахом скошенной травы, смешанным с далёким, едва уловимым дыханием моря. Маргарита и Павел стояли у кованой ограды таунхауса, за спиной у них — аккуратный мир немецкого порядка: подстриженные кусты самшита, дорожки из тёмного клинкера.

Они были собраны и мобильны. Походные рюкзаки за спиной: у неё — с боковым карманом для плотной папки с чертежами, у него — с закреплённым на лямке чехлом от планшета. Их одежда — функциональный шик: удобные броги у Павла, лёгкие трейловые кроссовки у Маргариты, ветровки, с которых ещё не стёрся запах морской соли с паррома.

— Мы невероятно рады, что заехали, — говорил Павел, пожимая руку хозяину, своему старому университетскому товарищу. — Казалось бы, мы в Питере, вы тут, а живём как на разных материках. Паром — гениальное решение. Шестьдесят часов вне времени. Никакой морской болезни, только книги, чай и бесконечный горизонт.

— И работа, — с лёгкой укоризной добавила Маргарита, обнимая жену друга. — Кто-то прочитал два романа, а кто-то вывел теорию о сакральной геометрии тевтонских замков на салфетках.

— Это были не салфетки, а распечатки спутниковых снимков, — поправил Павел с достоинством. — И моя тео-

рия ещё себя покажет.

Маргарита, уже прощаясь, на секунду запрокинула голову, всматриваясь в фасад дома.

— Слушай, — обратилась она к хозяйке, — у меня к вам профессиональный вопрос. Ваш архитектор... он сознательно соединил неоготический цоколь с этими... почти азиатскими фронтонами и восточным узором на ставнях? Или это такая эклектика «из того что было в наличии»?

— Нам нравится! — засмеялась женщина. — Необычно же.

— Безусловно, необычно, — мягко парировала Маргарита. — Но необычность бывает гармоничной, а бывает... симптоматичной. Мне это напоминает архитектурную шизофрению. Здание не понимает, кто оно.

Павел фыркнул, поправляя рюкзак.

— Марго, дорогая, оставь бедный таунхаус в покое. Ты его сейчас разберёшь по кирпичику взглядом, а людям здесь жить. Современная архитектура давно пережила пуризм. Посмотри, что сейчас строят — неоклассицизм на стероидах из стеклобетона. И ничего, живут же люди.

— И живут в диссонансе, сами того, не осознавая! — парировала Маргарита, но в её глазах играли искорки. Это была их вечная, любимая игра. — Всему должно быть разумное объяснение. Хотя бы в голове у создателя.

— Вот встретим этого гения-архитектора, он тебе всё и объяснит, — успокоил Павел, и они обменялись быстрым,

понимающим взглядом.

На дороге показался сине-серый минивэн.

— Кажется, ваша карета, — заметил хозяин.

— Надеюсь, не в последний путь, — с лёгкой, интеллигентной иронией бросил Павел, помогая Маргарите снять рюкзак для посадки. — Спасибо за приют. Мы ничего не забыли, кроме, возможно, чувства здравого смысла, отправляясь в эту авантюру. Но мы же учёные — обязаны проверить.

— Возвращайтесь с историями! — крикнули им вдогонку провожающие, когда минивэн плавно тронулся.

Павел сел рядом с Маргаритой на просторный передний диван. Они наклонились к окну двери, чтобы помахать друзьям, и их взгляды, оторвавшись от улыбающихся лиц, автоматически, по профессиональной привычке, просканировали салон.

Их мозги, отлаженные на анализе структур, мгновенно обработали картину.

Задний ряд. Пара: он — коренастый, с налётом усталости; она — яркая, с нервной энергией. Они оживлённо, но как-то слишком громко и натянуто о чём-то говорили. Контакт? Да. Но больше похожий на связь двух сообщающихся сосудов с разным давлением.

Отдельные кресса. Ещё одна пара, но сидящая порознь. Мужчина у окна — массивный, замкнутый, смотрит в пейзаж, отгородившись невидимой стеной. Женщина напротив — подтянутая, смотрит то на водителя, то в окно, её поза вы-

дает желание коммуницировать с миром, который её партнёр игнорировал.

Маргарита встретила взглядом с Павлом и чуть заметно приподняла бровь. - Интересная группа, — сказал этот взгляд. Социологический срез под определённую задачу, — ответил едва уловимый кивок Павла.

Они повернулись к друг другу, и их плечи невольно соприкоснулись. Не в поиске поддержки, а в знак солидарности. Они были в своей стихии. Их путешествие началось. И первым объектом изучения стали не камни замка, а люди, которых эти камни, как магнитом, притянули к себе.

*

Минивэн, ровно гудевший, вообрал в себя лесную прохладу, смешанную с запахом нагретого асфальта и сладковатым ароматом освежителя. Свист ветра в чуть приоткрытых окнах заглушал бы тишину, если бы она была. Но её не было — было напряжённое молчание, нарушаемое лишь поскрипыванием сидений. Шестеро людей, запертых в движущейся коробке, избегали взглядов, уткнувшись в окна, где мелькали стволы сосен, или в друг друга.

Первой не выдержала Маргарита. Её голос, чёткий и поставленный, разрезал гул, как лезвие.

— Ну, раз уж мы обречены на общество друг друга на определённый срок, давайте знакомиться по-настоящему. Я

Маргарита, архитектор-реставратор. А это Павел, мой муж, историк-медиевист.

Павел кивнул, его взгляд за очками был дружелюбным, но оценивающим.

— Мы едем расширить кругозор и закрыть гештальт по одной теме, — добавил он. — Давно хотели приехать в Калининград. Друзья здесь живут, очень хвалят.

С заднего дивана, из-за спинки сиденья, как на сцену, появилась рука с телефоном, а затем и голова Сергея. Его ухмылка была заранее приготовленной.

— А мы едем разгадывать загадку, — провозгласил он, растягивая слова. — Если она, конечно, там есть.

Ирина, сидевшая рядом, резко ткнула его локтем в бок, но смотрела не на него, а на остальных — её большие глаза горели смесью смущения и вызова.

— Мы из Новосибирска, — сказала она, перекрывая цинизм мужа девичьей, слишком искренней интонацией. — У нас блог про необъяснимое. Мистику, аномалии. Мы... исследуем.

— Ой, какая интересная жизнь! — звонко, как разбитая хрустальная рюмка, вступила в разговор Клара. Она обернулась к ним, и её шёлковый шарф скользнул по коже сиденья. — Мы вот просто за впечатлениями. Отдохнуть в такой готической атмосфере, почувствовать себя... аристократами прошлого! В проспекте были такие чудесные фотографии— ужины при свечах, виды с башен, сад...

Дмитрий, сидевший у своего окна, лишь глубже вжался в кресло. Его молчание было плотным, вещественным, как будто он возвёл вокруг себя стену из невидимого, непроницаемого стекла.

Павел медленно снял очки и начал протирать линзы краем рубашки, что всегда делал, когда его что-то озадачивало.

— Странно, — произнёс он задумчиво. — Нам в приглашении акцентировали историческую ценность. Тевтонский орден, архив, библиотека. Ни слова про ужины при свечах.

— И уж точно ни слова про призраков, — сухо добавила Маргарита. Её взгляд скользнул по Ирине, и в нём мелькнуло не осуждение, а профессиональный интерес, как к редкому экземпляру. — Нам обещали архитектурную аномалию. Нестыковки в кладке, следы множественных перестроек. Меня лично интересует, как здание держится, трудно судить по фотографиям.

В салоне на секунду повисла тишина, теперь уже осмысленная. Лес за окном потемнел, сгустился.

— Погодите-ка, — Сергей перегнулся через спинку кресла, его лицо стало серьёзным, циничная маска сползла. — Вы что, серьёзно? Вам про библиотеки, а нам... — он ткнул пальцем в невидимый проспект, — про «проклятие и незваных гостей из иных миров».

— А нам про спа-процедуры и исторические реконструкции, — тихо, но чётко сказала Клара, и в её голосе впервые прозвучала не игра, а растерянность.

- И как организаторы будут совмещать три разнонаправленных процесса? — Павел водрузил очки на переносицу и посмотрел на водителя — неподвижный затылок, руки в положении «без десяти два» на руле.

Минивэн, не снижая скорости, врезался в ещё более густую чащу. Солнечные пятна на асфальте сменились сплошным зелёным мраком. Свет в салоне померк. Шестеро людей перестали смотреть друг на друга, углубившись в свои мысли.

*

Лес оборвался так внезапно, будто его срезали гигантским ножом.

— Смотрите. Там море, — тяжёлый, как мраморная глыба, голос Дмитрия рухнул в густое молчание салона, разбив его.

Минивэн взлетел вверх по последнему пологому подъёму. Все ахнули — не от моря, а от пустоты. Дорога, казалось, обрывалась прямо в серо-стальную бездну Балтики.

И тут он предстал перед ними.

Не постепенно, а сразу, целиком, как кошмар, всплывающий из подсознания. Чёрный, зубчатый, нелепый в своей чудовищности. Замок. Он не стоял на холме — он вырос из него, был его естественным, уродливым продолжением. Казалось, холм ошетинился каменными клыками против неба.

— Боже... — прошептала Ирина, прилипая лбом к стеклу. — Он... живой. Смотри, по карнизам... гаргульи. Они следят за нами. — Её пальцы судорожно скользнули по сиденью в поисках камеры.

— Вот это да! — Сергей свистнул, и в его свисте был не страх, а жадность. — Локация-то какая! Здесь же можно такие кадры снять! Тысячи просмотров! Смотри, какие тени ложатся — прямо готовый хоррор!

— Это не тени, — тихо поправила его Ирина, не отрывая взгляда. — Это он сам такой.

— Дима, смотри! — Клара вцепилась в рукав мужа, её глаза сияли. — Какая громадина! И светлая! Я думала, он будет мрачным, а он... величественный! Смотри, как солнце играет на стеклах башен! — Она говорила о замке, как о курортном отеле из глянцевого журнала. Её восторг был таким громким и ярким, что на секунду перекрыл общее оцепенение.

И случилось невероятное. Дмитрий, до этого бывший сгустком молчаливого протеста, расслабился. Его плечи опустились, тяжёлый взгляд смягчился. Он смотрел на крепость, поднимающуюся из холодного моря, и видел в ней не угрозу, а... порядок. Твёрдый, незыблемый, простой. Мир, где всё ясно: есть стены, есть враг за стенами, есть друг внутри. Мир без психологов, блогов и разговоров о чувствах. Ледяная волна облегчения смыла с него годы усталости.

— Да... — выдохнул он, и в этом звуке впервые за много

лет не было горечи. — Чудное место.

На переднем сиденье воцарилась иная тишина. Павел и Маргарита замерли, как два учёных перед аномалией.

— Смотри, угол у моря, — голос Маргариты был холоден и точен, как скальпель. — Опора. Её физически не существует для такой массы. Он висит. Как?

— Он не висит, — так же тихо ответил Павел, его взгляд бегал по стенам, считывая кладку. — Он... держится вопреки. Это не архитектура. Это намеренное нарушение всех законов статики. Похоже на визуальную галлюцинацию.

— Срок эксплуатации — восемьсот лет, — заметила Маргарита. — Галлюцинации столько не живут. Это что-то другое.

Минивэн, подпрыгивая на брусчатке, похожей на окаменевшее море, свернул на узкую дорогу, ведущую прямо к воротам. Теперь замок нависал над ними, заполняя собой всё лобовое стекло, давя массой. Он перестал быть картинкой. Он стал средой. Воздух словно сгустился, стал тяжелее.

Машина, кряхтя, остановилась. Перед ними вздымались ворота — не проём, а чёрная пасть в теле крепостной стены. Дубовые створки, обитые полосами кованого железа, уходили ввысь на шесть, а то и семь метров. На них не было ни ручки, ни глазка, ни звонка. Только застывшее, немое ожидание.

Шестеро людей в салоне замерли, глядя на эту стену. Восторг Клары, азарт Сергея, благоговение Ирины, спокойствие

Дмитрия, холодный анализ питерцев — всё это спрессовалось в одну общую, первобытную тишину. Они приехали смотреть на диковинку. Но диковинка теперь смотрела на них. И её взгляд был холодным.

Дверь минивэна бесшумно отъехала. Воздух, хлынувший внутрь, был неожиданно холодным и пахнувшим сыростью камня и морской солью. Пассажиры, потягиваясь, вышли в узкую полосу тени у подножия стены. Тень была ледяной, будто её отбрасывал не камень, а ледник.

Водитель молча выгружал багаж, расставляя чемоданы на брусчатке с четкой аккуратностью автомата.

— Почему здесь? — голос Сергея прозвучал слишком громко, отразившись от каменной стены. — Почему не заезжаем внутрь? Нам сказали — трансфер до дверей!

— Такой порядок, — водитель не поднял глаз. Его голос был плоским, как поверхность воды в колодце. — Вот дверь, — он показал на ворота, — дальше пешком. Таковы правила организатора.

— Нас об этом не предупреждали! — возмущение Сергея было искренним, но уже с ноткой беспомощности.

— Меня тоже не пропустят, ни пешком, ни на машине, — пожал плечами водитель, наконец взглянув на них. Его глаза были пустыми, как стёртые монеты. — Могу вас забрать. Отвезти обратно. Сейчас.

— Нет уж! — почти взвизгнула Ирина, хватая Сергея за руку. — Мы столько добирались! Я не вернусь просто так!

Остальные молча наблюдали. Клара теребила шарф, Павел и Маргарита обменялись быстрыми взглядами.

— Нам-то проще всего, — примирительно сказал Павел, поправляя лямку рюкзака. — Привычная ноша. Можем кому-то помочь.

— Я справлюсь сам, — отрезал Дмитрий. Его голос прозвучал твёрдо, почти с облегчением. Действие, простая задача — тащить чемодан. Это было понятно. — У нас всего два.

Сергей, поёрзав, подошёл к Павлу. Его тон сменился с агрессивного на подобострастный.

— Послушайте... помогите, пожалуйста, с кейсом. Там аппаратура, трясти нельзя. А по этой... — он топнул ногой, — мостовой её волоком не потащишь.

Водитель, не дожидаясь окончания разборок, сел за руль. Минивэн завёлся с тихим урчанием и медленно, пополз прочь, подпрыгивая на булыжниках.

— Вы обратили внимание на форму камня? — Павел присел, проведя пальцем по стыку. — Почти идеальный шестигранник. Базальт. Такую брусчатку не резали — её находили уже готовой, как есть. Возраст её... — ...равен возрасту холма, — закончила за него Маргарита. — И она не стёрлась. За восемьсот лет деревянных колёс и сапог. Это не материал. Это часть холма.

Всех вдруг пронзил ледяной сквозняк, вырвавшийся изнутри. Они обернулись.

В массивной, почерневшей от времени дубовой створке,

обитой полосами кованого железа с шипастыми шляпками болтов, бесшумно открылась маленькая, низкая дверца. За ней зияла темнота проходного тоннеля, выложенного тем же вечным базальтом.

— А вот и встречаются! — Клара попыталась вложить в слова бодрость, но получилось напряжённо. Она заглянула внутрь. — Хм... Никого. Видимо, самообслуживание.

— Стоять нечего, — глухо сказал Дмитрий. — Зайдем — разберёмся. — Он первым подхватил чемодан и решительно шагнул в отверстие, сгибаясь в низком проёме.

Один за другим, словно связанные, они пересекли порог. Попали не во двор, а в каменный гроб. Толщина стены поглотила их. Сводчатый потолок терялся в темноте на головокружительной высоте. Воздух пах вековой пылью, ржавчиной и чем-то ещё — сладковатым и тленным.

— Смотри, — шепотом сказала Маргарита, задрав голову. — Пазы для герсы. И бойницы по всему периметру свода. Наверху машикули. Попавшего сюда не выпускали. Уничтожали, как в тире.

— Жуткое место, — прошептала Клара, и в её голосе впервые не было игры. — Выходите, выходите быстрее.

Сергей, бледный, но с горящими глазами, снимал всё на камеру, бормоча в микрофон на петличке: «...полная аутентичность, чувствуешь себя мушкетёром в западне...»

Они вышли на внутренний двор, залитый слепящим после полумрака солнцем. И в тот же миг за их спинами раздал-

ся глухой, окончательный удар. Маленькая дверца захлопнулась. Внутри толстого дуба сдвинулись тяжёлые железные запоры, щёлкнув, как механизм сейфа.

Все обернулись. Теперь перед ними была лишь глухая, непроницаемая стена. Ни щели, ни ручки. И главное — тишина. Полная, абсолютная, мёртвая тишина. Ни звука с той стороны. Ни шума мотора, ни ветра, ни крика чайки. Их отрезали. Бесповоротно.

Они стояли посреди пустого двора, окружённые высокими слепыми стенами, под взглядом глухих окон замка. Было слышно только их собственное дыхание. «Что теперь?» — этот невысказанный вопрос повис в воздухе между шестерыми людьми.

Клара отчаянно упёрлась в дубовые створки ворот, но древняя древесина даже не дрогнула, будто вросла в камень.

— Дима, это ошибка! Мы выберемся, правда?

Дмитрий, не отвечая, взял её за локоть и твёрдо отвёл к чемоданам.

— Стой здесь. «Мужчина во всём разберётся», — сказал он, но в его голосе была не уверенность, а привычка командовать в вакууме.

— Я не была бы так оптимистична, — вступила Ирина, ёжась от холода, веявшего от стены. — Нас бросили. Или, как говорят, «кинули». Очень сложная схема для кидалова.

— В наше время пропасть довольно сложно, — холодно заметила Маргарита, поднимая телефон. — Связь есть. Все-

гда можно вызвать МЧС.

— Если есть вход, есть и выход, — философски заключил Павел. — Я уверен, это просто несогласованность...

Его слова оборвал бесшумный поворот массивной железной скобы на парадных дверях замка. Чёрный дуб отъехал внутрь, открыв довольно большой проем, из которой хлынул тёплый, яркий свет и волна воздуха, пахнувшего старым деревом, воском и... свежим хлебом.

— Ну вот видите, — сказал Павел, слишком бодро, подхватывая кейс Сергея. — Вперёд.

Они вошли и замерли. Их мозги отказывались складывать картинку.

Внешне замок был суровым бастионом. Внутри он оказался... дворцом.

Холл пронзал все четыре этажа, уходя ввысь к сводам, где смыкались каменные рёбра готических нервюр. Свет лился не сверху, а со всех сторон: спереди — из высоких, узких окон-бойниц, сзади, обращённой к внутреннему двору, стена была почти целиком стеклянной — гигантская, фантастическая для средневековой постройки витражная конструкция, за которой открывался вид на огромный внутренний двор-колодец, залитый солнцем.

Пол был выложен полированным до зеркального блеска чёрным базальтом и светлым мрамором. По периметру каждого яруса шли эмпоры на мощных колоннах. А с потолка свисали люстры — не канделябры, а сложные, многоярусные

конструкции явно той же эпохи, что и замок, но в них горели не свечи, а тёплые, ровные электрические «пламена», стилизованные под живой огонь. Воздух был идеальной температуры и чистоты, без намёка на сырость.

— Вот это да... — выдохнула Клара, и это был не её наигранный восторг, а искренний шёпот.

— Это... невозможно, — тихо сказала Маргарита Павлу. — Такое остекление... отопление... акустика... Это не реставрация. Это имплантация.

— Временные слои сошлись в одной точке, — так же тихо ответил Павел, вглядываясь в стык древней кладки и почти незаметного профиля климат-системы.

В тишине, идеально усиленной акустикой зала, раздался голос. Он шёл не сверху и не снизу. Он исходил отовсюду — ровный, бархатный, лишённый возраста, как голос умного дома, доведённого до совершенства.

— Добро пожаловать в замок. Мы готовы к вашему приезду. Полагаю, вы утомлены. Прошу оставить багаж. Прямо перед вами — выход на террасу, где накрыт стол. Уборные — справа и слева от входа. После трапезы вас проводят в комнаты.

Приезжие переглянулись. Облегчение («хоть что-то понятно!») смешалось с новой, более глубокой тревогой.

— Ну что ж, — громко нарушил тишину Сергей, стараясь вернуть себе роль лидера. — Девушки — налево, мальчишки — направо, и быстрее за стол. Я, честно, оголодал.

Через пять минут они стояли на просторной каменной террасе, выходящей в тот самый внутренний двор. Посредине — мощный дубовый стол, сервированный с музейной точностью. Серебряная посуда, хрустальные фужеры, льняные салфетки. Но когда они сели (каждый на своё место, отмеченное бронзовой табличкой с именем), их ждал главный сюрприз.

Подняв крышки, они ахнули.

— О боже... мясо по-французски. Моё любимое, — прошептала Ирина.

— А у меня... отбивная, как делала моя мать, — ошеломлённо сказал Дмитрий, впервые за день глядя на жену не с укором, а с изумлением.

У Павла была утка в соусе из красного вина, у Маргариты — запечённая рыба с розмарином. В кувшинах у каждого был свой напиток: у Сергея — крафтовое пиво, у Ирины — гранатовый сок, у Павла — бургундское.

В этот момент тяжёлые парчовые шторы на арках, ведущих в холл, бесшумно съехались, мягко отсекая террасу от замка. Их закрыл не ветер.

— Интересно, — тихо сказал Павел, откладывая нож. — Мы не направляли им своих гастрономических предпочтений.

— А у меня хлеб... он тёплый. Будто только из печи, — сказала Клара, и в её голосе прозвучала первая, крошечная трещинка страха под маской восторга.

Они ели почти молча. Вкус был безупречным. Солнце грело. Вид был идиллическим. И только тишина, наступившая после щелчка закрывшихся штор, казалась теперь гулкой и слишком глубокой, если бы они сидели не во дворе, а в идеально декорированной витрине.

— Я прекрасно пообедал, — громко, слишком громко заявил Павел, аккуратно складывая салфетку. Его жест был резким, выдававшим желание поскорее положить конец этой странной церемонии.

— Я тоже не могу больше съесть ни кусочка, — сказала Клара, вставая. Её улыбка была напряжённой, глаза метались, ища глаза мужа.

Поднялись все. Тяжёлые шторы в проемах, будто уловив их движение, бесшумно разъехались, снова открыв проход в холл. Воздух с террасы, тёплый и пряный, смешался с прохладной, стерильной атмосферой замка.

Они кучей вошли в холл и замерли.

— Что за чёрт? — хрипло произнёс Дмитрий. Его чемодан, как и весь остальной багаж, исчез. На отполированном полу не осталось ни пылинки.

И снова из ниоткуда, обволакивая со всех сторон, зазвучал голос. Теперь в его бархатных интонациях слышался отчётливый металлический отзвук.

— Ваши вещи доставлены в номера. Все помещения снабжены табличками. Вы вольны в перемещениях, однако комнаты с маркировкой «Для персонала» посещать не рекомен-

дуются. Обслуживающий персонал не побеспокоит вас своим присутствием. Все просьбы оставляйте на письменном столике в номере. Там же — инструкции. В экстренных случаях связь с администрацией односторонняя, через переговорное устройство у двери ваших номеров.

Голос сделал паузу, будто давая усвоить информацию. В тишине было слышно, как у кого-то перехватило дыхание.

— Ваши номера на втором этаже. Сергей и Ирина — левое крыло. Дмитрий и Клара — правое крыло. Павел и Маргарита — тыльная часть замка. Для улучшения условий отдыха, вы — единственные гости на время вашего тура. Ждём всех здесь сегодня к восьми вечера на приветственный ужин. Завтра у каждой пары — индивидуальная программа. Приятного отдыха.

Сообщение оборвалось. Тишина, наступившая после, была ещё оглушительнее.

Павел и Маргарита молча переглянулись. В их взглядах только холодная решимость разведчиков. Не говоря ни слова, они двинулись к левой лестнице, их шаги отдавались чёткими ударами по камню.

Сергей, хватая Ирину за руку, почти побежал за ними. «Надо всё снять, пока свет!» — прошипел он ей, и в его голосе был азарт, уже граничащий с истерикой.

Дмитрий и Клара остались стоять посередине зала. Он смотрел в пол, его челюсти были сжаты. Она нервно теребила кончик шарфа.

— Ну что... — наконец выдохнул Дмитрий. — Наше крыло — правое. Пошли.

Он повернулся и зашагал, не глядя, идет ли за ним жена. Клара бросила последний взгляд на удаляющиеся спины остальных, на гигантские пустые пространства зала, и рывком кинулась догонять мужа, её каблуки отчаянно зацокали по камню.

Три пары. Три лестницы. Три направления. Гулкий холл поглотил звуки их шагов, и через минуту воцарилась полная, мёртвая тишина. Замок, накормив и разместив своих гостей, замолчал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.